

Воркачева Елена Александровна

"САМА СУЩНОСТЬ ИЛИ ПРИРОДА КАЖДОГО": СЕМАНТИКА ЖЕЛАНИЯ И РЕЧЕВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛА TO WISH

Описывается семантика категории желания и исследуются речевые функции глагола to wish ("желать"), образующего вместе с глаголом to want ("хотеть") пару ядерных предикатов желания английского языка, между которыми распределяются признаки лексической доминанты соответствующего синонимического ряда. Устанавливается, что специфическими речевыми функциями to wish являются функция стилистической маркированности и функции, отправляющие к социально-коммуникативному статусу участников речевого общения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 68-73. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. Кудрявцева Н. Б. Теория речевых актов как результат интеграции гуманитарных исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 553. С. 18-26.
14. Лившиц Т. Н. Специфика рекламы в прагматическом и лингвистическом аспектах: дисс. ... к. филол. н. Таганрог, 1999. 212 с.
15. Мир ПК. 2014. № 12.
16. Морис Ч. У. Основание теории знаков // Семиотика: сборник переводов / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1982. С. 37-89.
17. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 412 с.
18. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. 148 с.
19. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 151-169.
20. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. 320 с.
21. 7 дней. 2014. № 12, 33, 36, 61.
22. 7 дней. 2015. № 36, 47.
23. Cosmopolitan. 2014. № 2, 3, 4, 5.
24. Forbes. 2015. № 3.
25. Geo. 2014. № 3, 4.
26. GQ. 2014. № 7, 11.

**CHARACTERISTIC GRAMMATICAL FEATURES OF DIRECTIVE SPEECH ACTS
(BY THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN ADVERTISING TEXTS)**

Voeikova Anna Andreevna, Ph. D. in Philology
Bauman Moscow State Technical University (Branch) in Kaluga
a.voejkova@list.ru

The article is devoted to the examination of the Russian advertising texts from the point of view of the theory of speech acts (J. Searle), and in particular such act as “directive”. It has structural and grammatical features due to the specificity of the advertising text, on the one hand, and peculiarities of the Russian language system on the other. The purpose of the study is the identification of these features. As a result of the analysis it is found that the predicate in the form of the imperative had the highest frequency, while the infinitive, impersonal sentences, etiquette forms of politeness, etc. are represented more fragmentary.

Key words and phrases: pragmalinguistics; speech act; directive; advertising text; “core”; “periphery”.

УДК 811'1; 811.111

Описывается семантика категории желания и исследуются речевые функции глагола to wish («желать»), образующего вместе с глаголом to want («хотеть») пару ядерных предикатов желания английского языка, между которыми распределяются признаки лексической доминанты соответствующего синонимического ряда. Устанавливается, что специфическими речевыми функциями to wish являются функция стилистической маркированности и функции, отправляющие к социально-коммуникативному статусу участников речевого общения.

Ключевые слова и фразы: желание; желать; синонимический ряд; доминанта; ядерный предикат; речевая функция.

Воркачева Елена Александровна, к. филол. н., доцент
Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар
velena_1957@mail.ru

**«САМА СУЩНОСТЬ ИЛИ ПРИРОДА КАЖДОГО»:
СЕМАНТИКА ЖЕЛАНИЯ И РЕЧЕВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛА TO WISH**

В задачи настоящего исследования входит описание языковых и речевых функций глагола *to wish* (*желать*) на основе семантического анализа категории желания как одного из операторов дезидеративной оценки.

Как установлено, желание и мнение представляют собой базовые пропозициональные установки, полностью покрывающие семантическую область отношения человека к миру [4, с. 15]. Желание – *сама сущность или природа каждого* [18, с. 501] – занимает центральное место в психике человека и является мотивом всех его произвольных действий, в качестве семантического множителя оно способно входить в толкование практически любого эмоционального проявления, требующего от субъекта адекватной реакции [8, с. 499].

Философские определения желания (*желание есть влечение с сознанием его* [18, с. 464]; *conatus intelligentis* (*осознанное стремление*) [30, р. 66]; *осознанная потребность* [17, с. 127]) построены на разложимости желания как минимум на два компонента: ‘*влечение/стремление/потребность*’ и ‘*сознание*’.

Желание – основа любой целенаправленной деятельности. Еще на предварительном шаге действия оно осложняется прогнозом шансов на осуществление этого действия и волей субъекта как настойчивостью в достижении поставленной цели, когда оно уже выступает как намерение, направленное на достижимый, по мнению субъекта, объект [7, с. 134]. В семантических классификациях языковых средств выражения желания отражается деление процесса осуществления действия на подготовительную стадию (думать, намереваться, собираться, решаться) и исполнительную (пытаться, стараться) [3, с. 8; 12, с. 101].

В семантике выразительных единиц языка желание представлено на различных коммуникативных уровнях: оно находится в предикативной части большинства предикатов желания и в числе пресуппозиций предикатов этической оценки, предикатов разрешений и запрета и других [5, с. 87-92]. Значимость категории желания для языка в силу её роли в формировании концептуальной и языковой картин мира отражается, в частности, в трактовке желания в качестве когнитивного лингвоконцепта [13; 14].

Выделение разновидностей желания может производиться на основании нескольких признаков, соотносимых главным образом с характером объекта, находящегося в фокусе желания: направленность на объект, способный вызывать чувственное влечение, дает вождление; неопределенность желания в отношении своего объекта (*appetitio vaga – смутное стремление*) дает каприз [11, с. 486]; невозможность реализации объекта в силу необратимости времени превращает желание в сожаление либо раскаяние; неосознанность объекта характеризует влечение; включение воображения и отдаленность реализации превращают желание в мечту [2, с. 438] и пр. Однако наиболее существенным классификационным признаком здесь, как представляется, выступает отношение субъекта желания к достижимости объекта: его готовность или неготовность прилагать усилия и изыскивать средства для реализации этого объекта, его активность либо пассивность – «хотение» или собственно желание как *стремление без траты сил для создания объекта* [11, с. 743].

Наиболее «номинативно плотным» (включающим наибольшее число лексических единиц) и наиболее частотным средством передачи желания в языке, очевидно, выступают предикаты, образующие соответствующий синонимический ряд. В английском языке это лексемы *to covet, to crave, to desire, to hanker, to long, to pine, to want, to wish, to will, to yearn*, передающие различные оттенки желания, точные аналоги которых в русском языке найти затруднительно. Наблюдения над их семантическим составом и функционированием в речи сразу же позволяют исключить из числа претендентов на роль доминанты этого синонимического ряда глаголы *to crave, to hanker, to pine*, являющиеся интенсивами, глаголы *to long* и *to yearn*, передающие дополнительные оттенки эмоционального переживания неудовлетворенной потребности, глагол *to covet* из-за отрицательной этической окраски – он отрицательно характеризует своего субъекта, и глагол *to will* в силу грамматикализованности большинства его употреблений. К тому же на сочетаемость этих глаголов с синтаксическими типами дополнений накладываются ограничения: глаголы *to covet, to crave, to hanker* сочетаются лишь с именными дополнениями, глаголы *to long, to pine, to yearn* – с инфинитивными и герундиальными [9, с. 15]. Несмотря на то, что при матричном описании собственно предикатов желания английского языка в качестве семантического множителя преимущественно используется глагол *to desire* (*желать*), проявляющий тем самым характеристики доминанты, по всем остальным определяющим признакам доминанты он явно не проходит: он несравненно менее частотен, чем *to wish* и *to want*, явно на фоне этих предикатов стилистически окрашен, обладает меньшим числом значений и меньшей степенью синтаксической свободы [42, р. 229-230]. Очевидно, по совокупности признаков на место доминанты этого ряда в большей степени могут претендовать глаголы *to wish* и *to want* [16, с. 8], между которыми распределены основные доминантные функции в ряду собственно предикатов желания: употребимость в качестве семантического множителя и сочетаемостная активность [15, с. 10] остаются за *to wish*, частотность, стилистическая немаркированность и многозначность – за *to want*.

Таким образом, в ряду собственно предикатов желания выделяются ядерные предикаты – единицы, наиболее употребительные в речи, наиболее многозначные, обладающие наибольшей синтаксической сочетаемостью, стилистически наименее маркированные и наиболее используемые при лексикографическом описании предикатов этого ряда. В английском языке это лексемы *to wish* (*желать*) и *to want* (*хотеть*), между которыми распределяются признаки лексической доминанты синонимического ряда предикатов желания [10, с. 7]. Можно заметить, что наличие в лексической системе ядерных предикатов желания представляется некой семантической универсалией для большинства индоевропейских языков [6, с. 76]: здесь и русские *хотеть-желать*, и украинские *хотіти-бажати*, и испанские *querer-desear*, и французские *vouloir-désirer*, и немецкие *wollen-wünschen* и пр.

To wish и *to want*, безусловно, являются синонимами: словами, относящимися к одной части речи, объединяемыми дефиниционной частью своей семантики, отправляющей к денотату обозначаемой ими реалии, и различающимися дополнительными семами, нейтрализуемыми в определенных контекстах употребления. Это синонимы не полные (точные, абсолютные), поскольку они взаимозаменяемы лишь в части контекстов их речевого употребления [1, с. 472-473].

При семантическом анализе *to wish* (*желать*) и *to want* (*хотеть*) в качестве синонимов возникает проблема отсутствия у подобных предикатов определяемого предметного значения – центрального объекта лексикографического описания. В силу того, что общая, идентифицирующая часть семантики ядерных предикатов желания не поддается компонентному анализу, поскольку желание представляет собой семантический примитив, исследование их синонимии сводится к описанию различий, проявляющихся в их различной сочетаемости, различных идеографических и оценочных свойствах, коннотациях, стилевых и стилистических

характеристиках. Как представляется, синонимии подобного рода можно назвать слаборазнозначной. Можно полагать, что совокупная парадигма типизированных речевых функций и контекстов реализации подобных лексических единиц даст возможность выявить различия и сходства в их значении по одному лишь свечению «ауры», образуемой дополнительными семантическими оттенками [4, с. 31-32].

Деление множества функций лексических единиц по признаку регулярности и автономности реализации дает языковые функции, совпадающие, в принципе, со словарными значениями этих единиц, и речевые функции, совпадающие с контекстно обусловленными значениями, описание которых с необходимостью включает в себя сведения о типизированном окружении этих единиц – контексте.

Контекст как средство семантической идентификации значений многозначной языковой единицы характеризуется различной степенью «разрешающей способности» и может быть «сильным», т.е. достаточным для однозначной идентификации всех её значений, и «слабым» – недостаточным для такой идентификации.

Глагол *to wish* способен к употреблению со всеми возможными для предикатов желания синтаксически формами объектного дополнения: нулевой (абсолютное употребление), именной и местоименной, инфинитивной, сложного дополнения (*complex object*) и придаточного (*clause*), за исключением форм герундиального дополнения (*-ing clause*) [33, p. 755].

Хотя и не в такой мере, как глаголы *to covet*, *to crave to long for*, *to yearn for*, *to wish* сопряжен с эмоциональным переживанием желания, косвенным свидетельством чего является возможность его употребления с наречиями-модификаторами предикатов эмоциональных проявлений (*impatiently – нетерпеливо, fervently – лихорадочно, desperately – отчаянно, heartily – всем сердцем* и т.д.): *I wished fervently that I could offer some constructive suggestion* [43, p. 225]. / Я очень желал бы предложить что-то конструктивное; *He desperately wished to be alone* [25, p. 25]. / Он страстно желал побыть в одиночестве; *He heartily wished he had kept the diary for himself and thrown it away* [Ibidem, p. 116]. / Он всем сердцем желал, чтобы дневник не был выброшен, а остался у него; *He wished most earnestly to have me on his stuff* [43, p. 227]. / Он искренне хотел, чтобы я был у него в штате.

Как представляется, основным семантическим отличием этого глагола от его ядерной пары – *to want* (*хотеть*) – является передаваемая им низкая степень вероятности реализации объекта желания: *to want something to happen or to be true even though it is unlikely or impossible* [35, p. 1486]. / хотеть, чтобы что-то произошло или было в действительности, даже если это маловероятно или невозможно; *to want something to happen although it is unlikely* [34, p. 1648]. / хотеть, чтобы что-то произошло, даже если это маловероятно.

Так же, как глаголы чувства, *to wish* интенсифицируется постановкой в форму *Continuous: I was wishing I had another thick sweet, sweet vanilla malted* [41, p. 237]. / Я очень хотел еще густого сладкого-сладкого ванильного мороженого; *Her hands were clasped together, fingers interlaced, as though she was wishing very hard* [20, p. 257]. / Её руки были сжаты, пальцы стиснуты, как будто она чего-то очень сильно хотела. Еще одним средством лексической интенсификации *to wish* является обращенность высказывания, в котором он употребляется, к Высшему существу, способному в представлении говорящего удовлетворять наши просьбы и желания (to God): *I wish to God I could give you some help* [38, p. 49]. / Я молил Бога, чтобы я мог помочь тебе; *"I only wish to God everybody could hold his tongue"*, *groaned Mr. Рут* [37, p. 231]. / «Я молю Бога, чтобы все держали язык за зубами», – простонал мистер Пим. Речевые функции *to wish*, реализуемые им в «мягких», прагматических контекстах, как правило, накладываются на его языковые функции и проявляются лишь там, где этот предикат семантически заменим на свою ядерную «пару» – *to want*.

В подавляющем своем большинстве речевые функции *to wish* связаны с распределением ролей коммуникантов в процессе общения и с задачами речевого воздействия говорящего на собеседника. Предикат *to wish* на фоне своей ядерной «пары» *to want* стилистически отмечен: если *to want* принадлежит нейтральной лексике обиходно-литературного языка, то *to wish*, особенно в британском варианте английского языка, тяготеет к литературно-книжному лексикону (*In sentences, where both can be used, wish sounds much more formal than want* [31, p. 1643]. / В предложениях, где могут употребляться оба глагола, wish звучит более формально, чем want; formal [34, p. 1486]. / формально), «возвышенному» стилю. Стилистическая приподнятость *to wish* позволяет говорящему употреблять его в функции «изысканности» (не случайно употребление *to wish* вместо *to want* характеризуется как *жеманное – genteelism* [32, p. 1733]), призванной засвидетельствовать определенный культурно-образовательный уровень отправителя речи, его способность изъясняться на литературно-книжном языке: *Dear Sir with reference to your suggestion on that you wish to reorganize a corporation which has forfeited its charter to the State of California* [23, p. 50]... / Дорогой сэр, ссылаясь на Ваше предложение, в котором Вы хотите реорганизовать корпорацию, которая лишилась права деятельности в штате Калифорния...; *As you well know, Mr. Sandford, we do not have guards in the prison sense or in the sense that our patients are violent or wish to escape* [Ibidem]... / Как Вы хорошо знаете, мистер Эндфорд, у нас нет охраны в тюремном смысле или в смысле того, что наши пациенты буйные или хотят сбежать.

Эта же стилистическая приподнятость позволяет употреблять *to wish* в функции «поэтичности», свидетельствующей о стремлении говорящего причастить получателя речи к «высокому строю» души, заставить его разделить поэтическое чувство: *The moon-beam, sliding softly in between / The sleeping leaves, is all the light they wish* [19, p. 164]. / Луч луны, тихо скользкий между спящими листьями – это весь свет, который они желают.

Стилистическая приподнятость позволяет, наконец, употребление *to wish* в функции «торжественности», в библейских, например, текстах: *I have come to cast fire upon the earth; and now I wish it were already kindled* (Luke: 12, 49) / «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»; *But it is not*

as among you, but whoever wishes to become great among you shall be your servant (Mark: 10, 43) / «Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою».

Можно считать, что в определенном смысле контекстом, определяющим реализацию стилистических речевых функций *to wish*, является жанровая принадлежность текста, в котором он появляется.

Другая группа речевых функций предиката *to wish* связана с отражением в языке статусно-ролевых социальных характеристик участников общения. Конкретный вид речевой функции этой группы, выполняемой *to wish*, формально зависит от его лица, а содержательно – от соотношения социально-коммуникативных статусов участников речевого общения, их отношения к предмету речи и ситуации общения.

Как представляется, в ситуации непосредственного общения в первом лице *to wish* реализует речевую функцию «скромности», состоящую в принижении (либо позе принижения) своего собственного социально-коммуникативного статуса, что, однако, не связано с утратой чувства собственного достоинства по отношению к подобному статусу того, к кому обращена речь: *I wish to express my thanks for a gracious evening and present my apologies for leaving so soon* [36, p. 78]. / Хочу выразить свою благодарность за прекрасный вечер и принести извинения за такой скорый уход; *There are certain questions I wish to put to Lady Nest* [28, p. 132]. / Есть несколько вопросов, которые я бы хотел задать леди Нест.

Появление *to wish* в такой позиции там, где ситуационно речь идет о намерении, т.е. о значении, нормативно передаваемом предикатом *to want*, свидетельствует о том, что говорящий, руководствуясь правилами «отрицательной вежливости» и стараясь избежать ущемления «свобод» своего речевого партнера, сознательно камуфлирует свою волевую установку, выдавая её за «чистое желание»: *There is something else I wish to say to you* [Ibidem, p. 146]. / Есть ещё кое-что, что я бы хотел сказать тебе; “*I wish to open an account*”, *he says, “and to make a withdrawal in cash”* [24, p. 108]. / «Я хочу открыть счет», – сказал он, – «и снять наличные». В ситуации непосредственного общения во втором лице *to wish* реализует речевую функцию «уважительности», состоящую в повышении социально-коммуникативного статуса речевого партнера: *I thought you wished to sign it too* [29, p. 246]. / Я думал, что Вы тоже пожелаете подписать это; *What is it that you wish to ask me – er – Chief Inspector, I believe* [28, p. 79]? / Это то, о чем Вы желаете спросить меня, старший инспектор, я полагаю? Особенно часто *to wish* появляется в такой функции в составе придаточной части условного периода: *I can give you the guest list if you wish* [41, p. 112]. / Я могу дать Вам список гостей, если желаете; *Go back to where you come from if you wish to be safe* [21, p. 107]. / Возвращайтесь туда, откуда пришли, если хотите быть в безопасности.

При употреблении в третьем лице *to wish* способен передавать информацию относительно соотношения социально-коммуникативных статусов говорящего и лица, стоящего за грамматическим субъектом высказывания (субъектом *to wish*), как её передают, например, в русском языке предикаты «грубить», «распекать», «гневаться» и пр. Эта речевая функция, функция «пиететности», заключается в представлении социально-коммуникативного статуса «протагониста» высказывания более высоким, чем аналогичный статус говорящего, что зачастую дублируется присутствием в высказывании соответствующих обращений (почетных титулов, званий, должностей): *Lord Gainsborough wishes to speak to her on the telephone* [28, p. 147]. / Лорд Гейнсборо желает говорить с ней по телефону; *Madam wished to see you before you left, miss, so it is quite fortunate that you have returned* [Ibidem, p. 155]. / Мадам желала видеть Вас до Вашего ухода, мисс, поэтому это очень удачно, что Вы вернулись.

Роль предиката *to wish* в формулировании иллокутивных речевых актов (просьбы, предложения, вопроса и пр.) не является специфической: аналогично и намного чаще для этих целей используется предикат *to want*. Специфическими же для *to wish* являются здесь дополнительные прагматические оттенки, связанные со снижением категоричности высказывания – реализацией того же принципа вежливости: *I wish you could talk without listing statistics* [23, p. 93]. / Хотелось бы, чтобы Вы говорили, не приводя статистику; *Do you wish to reconsider your statement* [27, p. 484]? / Желаете пересмотреть свое заявление?; *If any of you wish to leave now, Mr. Goodwin will let you out to the street* [39, p. 174]. / Если кто-нибудь из вас желает уйти сейчас, мистер Гудвин выведет вас на улицу.

Также неспецифическими речевыми функциями для *to wish* являются функция мотивации действия и функция интерпретации [10, с. 10], в которых чаще употребляется предикат *to want*. *To wish* в функции обоснования действия связывает в тексте действие и его мотивировку – причину этого действия: *Mrs Ingleshthorp ordered a fire: Why? Because she wished to destroy something, and could think of it no other way* [22, p. 170]. / Миссис Инглешторп приказала разжечь камин. Почему? Потому что хотела что-то уничтожить и не смогла придумать другого способа; *He had a headache and wished to stay in his room* [24, p. 80]. / У него болела голова, и он пожелал остаться в своей комнате. *To wish* в функции интерпретации используется говорящим для истолкования чьих-либо намерений или действий: *It usually meant that a gentleman was going out, and wished to change his trousers in a decent privacy* [37, p. 88]. / Это обычно означает, что джентльмен собирается пойти погулять и ему нужно приличное место, чтобы сменить брюки; *I take it you wish to convey that threat to Mr. Mason and I gave you a good opportunity to do so* [26, p. 176]. / Я понял, что Вы желаете дать понять мистеру Мейсону об этой угрозе, а я дал Вам хорошую возможность сделать это.

Итак, в ряду собственно предикатов желания выделяются ядерные предикаты – единицы, наиболее употребительные в речи, наиболее многозначные, обладающие наибольшей синтаксической сочетаемостью, стилистически наименее маркированные и наиболее используемые при лексикографическом описании

предикатов этого ряда. В английском языке это лексемы *to wish* (желать) и *to want* (хотеть), между которыми распределяются признаки лексической доминанты синонимического ряда предикатов желания.

Специфическими речевыми функциями *to wish*, накладывающимися на все его другие функции, являются, во-первых, функции, создающие его стилистическую маркированность: «изысканности», «поэтичности», «торжественности», отправляющие к литературно-книжному регистру текста, в котором употребляется этот предикат. Во-вторых, для *to wish* специфичны речевые функции, отправляющие к соотношению социально-коммуникативных статусов участников речевого общения: «скромности», «уважительности», «пиететности», – связанные с речевой реализацией принципа вежливости, которые тоже накладываются на все прочие языковые и речевые функции этого предиката.

Список литературы

1. **Англо-русский синонимический словарь** / под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1979. 544 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды: в 2-х томах. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
3. **Бутвин Н. Н.** Описание русских глаголов с общим значением «хотеть» (с некоторыми параллелями в чешском языке) на основе принципа развития действия: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1988. 19 с.
4. **Воркачев С. Г.** Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 540 с.
5. **Воркачев С. Г.** К семантическому представлению дезидеративной оценки в естественном языке // Вопросы языкознания. М., 1990. № 4. С. 86-92.
6. **Воркачев С. Г.** Хотеть-желать vs querer-desear: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. М., 1991. № 3. С. 75-82.
7. **Вригт Г. Х.** Логико-философские исследования: избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
8. **Декарт Р.** Страсти души // Декарт Р. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 481-572.
9. **Жирова И. Г.** Лексико-семантическая группа глаголов, выражающих волеизъявление в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Одесса, 1990. 15 с.
10. **Жук Е. А.** Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 1994. 17 с.
11. **Кант И.** Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
12. **Корди Е. Е.** Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л.: Наука, 1988. 165 с.
13. **Макеева Е. Ю.** Функционально-семантическое поле как средство репрезентации концепта «желание» в английском языке (в синхронии и диахронии): автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2006. 23 с.
14. **Мастерских С. В.** Концепт «желание» в сопоставительном плане (на материале глагольных лексем русского, английского и немецкого языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2004. 20 с.
15. **Новикова О. Н.** Семантико-синтаксическая структура конструкций с глаголами желания в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Минск, 1989. 24 с.
16. **Пелих Е. А.** Структура лексико-семантического поля желания (на материале русского, украинского и английского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 1984. 18 с.
17. **Петровский А.** Желание // Философская энциклопедия: в 5-ти т. / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2.
18. **Спиноза Б.** Избранные произведения: в 2-х т. М.: Мысль, 1957. Т. 1. 531 с.
19. **An Anthology of English and American Verses.** М.: Progress Publishers, 1972. 720 p.
20. **Browne A. G.** 11 Harrowhouse. N. Y.: Dell Publishing Co. Inc., 1973. 348 p.
21. **Christie A.** Endless Night. N. Y.: Pocket Books, 1969. 181 p.
22. **Christie A.** The Mysterious Affair at Styles. L.: Panther Books, 1978. 228 p.
23. **Fair A. A.** Gold Comes in Bricks. N. Y.: Dell Publishing Co, Inc., s.a. 224 p.
24. **Forsyth F.** The Devil's Alternative. N. Y.: Corgi Books, 1981. 479 p.
25. **Forsyth F.** The Odessa File. L.: Corgi Books, 1974. 316 p.
26. **Gardner E. S.** The Case of the Moth-Eaten Mink. N. Y.: Pocket Books, 1956. 196 p.
27. **Hailey A.** The Moneychangers. N. Y.: Bantam Books, 1975. 500 p.
28. **Heyer G.** Duplicate Death. N. Y.: Bantam Books, 1977. 234 p.
29. **Jewell B.** Come in number One, Your Time is up. L.: Sphere Books Ltd., 1973. 301 p.
30. **Leibniz G. W.** Tabulae definitiorum // Slownik i semantyka. Definicje semantyczne. Wroclaw: Ossolineum, 1975. P. 8-89.
31. **Longman Dictionary of Contemporary English.** Harlow: Pearson Education Ltd., 2001. 1668 p.
32. **Longman Dictionary of the English Language.** Harlow: Longman, 1985. 1910 p.
33. **Longman Grammar of Spoken and Written English.** Harlow: Pearson Education Ltd., 2000. 1204 p.
34. **Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.** Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
35. **Oxford Advanced Learner's Dictionary.** Oxford UP, 2000. 1539 p.
36. **Robbins H.** The Pirate. L.: New English Library, 1976. 320 p.
37. **Sayers D.** Murder Must Advertise. N. Y.: Avon Books, 1967. 288 p.
38. **Selected Detective Prose.** М.: Raduga Publishers, 1989. 400 p.
39. **Stout R.** Black Orchids. N. Y.: Pyramid Books, 1974. 190 p.
40. **(The Holy) Bible in the King James Version.** Translated out of the original tongues and with the former translations diligently compared and revised. Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1984. 1208 p.
41. **Uhnak D.** The Investigation. N. Y.: Pocket Books, 1977. 410 p.
42. **Webster's New Dictionary of Synonyms.** Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, 1984. 909 p.
43. **West M.** The Salamander. N. Y.: Pocket Books, 1972. 326 p.

**“THE VERY ESSENCE OR NATURE OF EVERYONE”:
SEMANTICS OF WISH AND THE VERBAL USE OF THE VERB TO WISH**

Vorkacheva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban State Technological University, Krasnodar
velena_1957@mail.ru

The paper describes the semantics of the category of wish and studies verbal functions of the verb to wish, forming together with the verb to want a couple of nuclear predicates of wish in English, between which the features of the lexical dominant of the corresponding synonymic row are distributed. It is highlighted that the specific verbal functions of the verb to wish are the function of stylistic markedness and functions that show the social-communicative status of the participants of verbal communication.

Key words and phrases: wish; to wish; synonymic row; dominant; nuclear predicate; verbal function.

УДК 811.11-112

Статья посвящена исследованию социально маркированных сленгизмов в англоязычной рэп-лирике. Авторами проанализировано 145 единиц сленга из интернет-ресурсов, содержащих словари молодежного сленга, а также изданного словаря сленга П. Коулмана. Выделены типы функций сленгизмов. Фактический материал исследования структурирован в лексико-семантические поля. Особое внимание авторы уделяют подробному анализу единиц сленга семантического поля «деньги, благосостояние» как одного из многочисленных социально маркированных среди сленгизмов в англоязычной рэп-лирике.

Ключевые слова и фразы: сленгизм; лексико-семантическое поле; метафора; молодежный сленг; семантическая наполненность.

Ганиева Гульнара Рамильевна, к. филол. н.

Гараева Римма Салаватовна, к. пед. н.

Славина Лилия Рустамовна, к. филол. н.

Нижнекамский химико-технологический институт (филиал)

Казанского национального исследовательского технологического университета

nara-81@mail.ru

СОЦИАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ СЛЕНГИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЭП-ЛИРИКЕ

Социальная обусловленность языка выражается в социальной маркированности субкодов, выбираемых разными социальными группами в тех или иных коммуникативных актах. Определенные языковые средства приобретают функции социальных символов-маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде. Социально обусловленные языковые средства не могут проявляться на всем пространстве языка, а лишь на некоторых уровнях языковой структуры. В наибольшей степени социальной маркированности подвержены лексические и фразеологические единицы [1, с. 23], в меньшей степени – морфологическая структура языка. Социально маркированная лексика служит для кодирования языка определенных субкультур. В рэп-лирике социальная обусловленность текстов проявляется в наполненности вербального репертуара единицами подъязыка, которые понятны участникам коммуникации внутри субкультуры, но не всегда доступны для осмысления другими носителями субкодов. В своей работе мы будем опираться на определение, предложенное В. А. Хомяковым: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [5, с. 15]. Сленгизм следует понимать как единицу сленга.

В данном исследовании хип-хоп сленг рассматривается как элемент средств коммуникации внутри субкультуры. Другими словами, сленгизмы являются инструментами языкового кода и средством субкультурного кодирования.

С целью изучения сленга как специфического способа кодирования был проведен анализ интернет-ресурсов, содержащих словари молодежного сленга «Houston-slang-dictionary-lyrics» [8], «Chicago slang dictionary» [7], а также «Eric Partridge's Dictionary of Slang and Unconventional English» J. Coleman [6]. Была составлена картотека на 145 единиц сленгизмов. Словарь «Рэп сленгизмы» представляет собой материал, в который включены лексические и фразеологические единицы, отнесенные к хип-хоп и рэп сленгизмам по следующим критериям: 1) слова и словосочетания, обозначающие реалии рэп и хип-хоп культуры; 2) лексические и фразеологические единицы, имеющие большую частотность употребления среди представителей рэп субкультуры; 3) слова и выражения, имеющие семантические оттенки и коммуникативно-функциональные отличия от их общепринятых словарных значений.